

3. **Крылова Н. Б.** Культурология образования. – М. : Народное образование, 2000. – 272 с.
4. **Сенько Ю. В.** Гуманитарные основы педагогического образования: Курс лекций : учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Академия, 2000. – 240 с.
7. **Соловьев В.** Оправдание добра. Нравственная философия. – Ч. 2. – Гл. 8, VI. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/08.html>.
5. **Философия культуры.** Становление и развитие / под ред. М. С. Кагана. – СПб. : Лань, 1998. – 448 с.
6. **Школа Ямбурга.** Диалоги с Валерием Выжutowичем. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2008/08/28/yamburg.html>.
8. **Энгельс Ф.** Антидюринг. – Собр. соч. – Т. 20. – М., 1966. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_20/p4.php

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 13 + 378 + 316.7

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. И. Кудашов (Красноярск)

Автор анализирует возможности и перспективы альтернативных государственному профессиональному образованию форм: дистанционное обучение, информационно-компьютерные технологии, корпоративное образование. Автор считает, что место государства в профессиональном образовании будет занимать бизнес, в меньшей степени некоммерческие структуры, усиленные различными средствами и инструментами новых технологий.

Ключевые слова: государственное профессиональное образование, дистанционное обучение, информационно-компьютерные технологии, корпоративное образование, бизнес, некоммерческие структуры.

ALTERNATIVES TO THE STATE PROFESSIONAL EDUCATION: OPPORTUNITIES AND PERSPECTIVES

V. I. Kudashov (Krasnoyarsk)

The author analyzes the possibilities and prospects of alternative forms of state professional education: distance learning, information and computer technologies, corporate education. The author believes that business and non-profit organizations, reinforced by various means and tools of new technologies, will take up the place of the state in professional education.

© Кудашов В. И., 2013

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Сибирский федеральный университет.

E-mail: vkudashov@mail.ru

Key words: *state professional education, distance learning, information and computer technologies, corporate education, business, non-profit organizations.*

Согласно вступившему в действие в нашей стране с 1 сентября 2013 г. Федеральному закону «Об образовании» все образовательные учреждения высшего профессионального образования должны переименоваться в «образовательные организации высшего образования», для чего потребуется все наименования и уставы образовательных учреждений привести в соответствие не позднее 1 января 2016 г. Таким образом, государство фактически отказывается от понятия «профессиональное образование», закрепляя этот официальный отказ необходимыми нормативными документами. Пока еще профессиональное образование в России можно условно разделить на три категории: среднее профессиональное образование (СПО), основное высшее профессиональное образование (ВПО) и дополнительное профессиональное образование (ДПО). Все чаще встречающееся второе высшее образование является несколько сокращенной формой основного высшего образования, хотя его иногда ошибочно приравнивают к дополнительному образованию. Второе высшее образование в большинстве случаев выбирают молодые, становящиеся специалисты, причем многие студенты получают его параллельно с основным. Программы ДПО и ВПО предназначены различным целевым аудиториям. Основные субъекты ДПО – взрослые слушатели с определенными знаниями и опытом, которые осознают свои образовательные потребности и целенаправленно выбирают программы дополнительного образования.

Основное образование (в том числе второе высшее) предполагает приобретение фундаментальных знаний, оно в большей степени ориентировано на государственный образовательный стандарт, чем программы ДПО. Студенты изучают общепрофессиональные дисциплины, дисциплины специальности и специализации в соответствии с госстандартами на выбранную специальность, причем до 40 % часов, задаваемых в рамках стандарта ВПО, не имеют непосредственного отношения к их будущей профессиональной деятельности. Программы основного образования должны разрабатываться согласно потребностям экономики страны, однако приведение квалификации студента в соответствие с условиями и задачами рынка труда не является их главной целью, это задача ДПО. Программы дополнительного профессионального образования изначально подстраиваются под будущую профессию слушателя и корректируют знания выпускников высших учебных заведений под требования работодателей и подтверждаются получением не диплома о высшем профессиональном образовании, а удостоверением, сертификатом или дипломом о дополнительном образовании.

Все описанное – привычные формы высшего профессионального образования, за которые традиционно отвечало государство как основной работодатель. Однако сейчас происходят процессы радикальных изменений в данной сфере, свидетельством чему является, помимо прочего, приведенный в начале статьи пример с отказом от понятия «высшего

профессионального образования». При обосновании необходимости изменений в образовании, как правило, фигурируют такие основные причины, как изменение экономической, социальной и демографической ситуации, развитие информационных технологий и процесс глобализации. Влияние социально-демографического фактора на образовательную политику, действительно, огромно – традиционное преобладание молодого населения над пожилыми людьми фактически оказалось перевернутым за счет сокращения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Кроме того, за счет возросшей миграции состав населения начинает приобретать все более гетерогенный характер, включая в себя самые различные этнические группы с иным уровнем образования, умений, потребностей и культуры. Соответственно меняются и сами требования к профессиональному образованию, которое при подготовке кадров вынуждено учитывать различия в уровнях образования, возрастных категориях и культурных особенностях.

Это осложняется еще и тем, что само содержание образования постоянно обновляется, что выдвигает задачу постоянной переподготовки и переобучения для обеспечения высокого уровня производительности. Естественно, все это ведет к росту числа разного вида и длительности курсов профессиональной переподготовки – от краткосрочных компьютерных и языковых курсов до более длительных курсов по менеджменту, бизнесу, инновациям [1]. Наиболее влиятельный фактор, тесно связанный с экономическим и информационным аспектами, – это глобализационные тенденции и процессы, а конкретнее – усиление роли транснациональных компаний в определении условий и правил экономической игры. В данных условиях национальные государства вынуждены постоянно реагировать на изменения мировой ситуации для того, чтобы сохранить свою конкурентоспособность. Международная конкуренция, важность стратегических альянсов и слияний, постоянное развитие новых технологий становятся доминирующими факторами национальной политики.

Профессиональное образование в такой ситуации вынуждено быть максимально нацеленным на тесную связь с бизнесом и производством, вступая с ними в корпорации и партнерство. Это должно способствовать эффективному сотрудничеству и успешному использованию интеллектуальных, технических и научных ресурсов для обеспечения экономики качественной рабочей силой и выполнения совместных прикладных исследований и внедрения инноваций. При этом проведение образовательных реформ как в области содержания, так и в управлении образованием, считается важнейшим фактором национальной конкурентоспособности. Отсюда вытекает и сущность реформ профессионального образования, за которыми видна неolibеральная философия, исходящая из императивов глобальной конкуренции и подразумевающая снижение государственного финансирования образования, приватизацию, введение рыночных принципов в образовательную систему как в частном, так и в государственном секторах, децентрализацию, повышение эффективности менеджмента образовательными ресурсами и критериев отбора персонала, внедрение учебных программ, ориентированных на требования

рынка. Все эти качественные трансформации, описываемые как переход к «обществу знания» или «информационному обществу», определяют, как утверждается в официальной риторике, необходимость формирования таких человеческих ресурсов для «общества риска», которые обладали бы достаточной гибкостью и способностью к постоянному обучению, адаптации к постоянным переменам. И хотя все большее акцент ставится на индивидуализации, становится очевидным, что возможности и способности отдельных личностей контролировать те или иные практики и управлять собственными судьбами в условиях «общества риска» далеко не равноценны. Для некоторых социальных групп это может означать новые возможности выбора собственного стиля жизни, но для других, не обладающих знаниями и умениями, востребованными в условиях глобального рынка, «общество риска» сулит большие потери и приводит к усилению социальной дифференциации.

Важнейшей продолжающейся тенденцией современного высшего профессионального образования является рост разочарования студентов в вузовском образовании по совокупности различных причин: лично неинтересно и профессионально бесполезно. Это недовольство усиливается тенденцией «культурного разрыва» между начетнической практикой подачи стереотипного материала многих преподавателей и информационной компетентностью цифрового поколения студентов, стремящихся к действительно новому, перспективному, востребованному обществом знанию. Поэтому не случайно существенные перемены в образовании прежде всего связываются с приходом в эту сферу информационно-компьютерных технологий, интернета и виртуальной реальности. Главными тенденциями в образовании на ближайшие годы представляются мобильность, геймизация (от англ. game – игра), виртуальные и облачные среды. Мобильность – это использование в обучении всевозможных мобильных устройств; геймизация – переход на программно поддерживаемый игровой принцип в обучении; виртуальные среды – создание симуляций реальной среды для процесса обучения или места работы.

Предполагается, что обучение будет во многом происходить через интернет-порталы, представляющие различного типа открытые университеты, которые будут активно продвигать мультимедийные учебники, специализированные курсы и неформальные образовательные сообщества. Уже сейчас важнейшим фактором «цифровой глобализации» образования стали открытые и бесплатные онлайн-курсы, например, Coursera, которые проводят профессора самых высокорейтинговых университетов мира и где любой желающий может в удобное ему время получить доступ к видеозаписям лекций по сотням разнообразных учебных программ на разных языках. Будучи лично активным пользователем сетевого проекта Coursera, не исключаю, что такие наднациональные «университеты миллиардов» могут всерьез потеснить государственные вузы. В рамках данного образовательного проекта уже можно пройти дистанционные курсы по многим дисциплинам у лучших профессоров, сдать их и получить соответствующий сертификат университетов Гарварда, Стэнфорда и т. п. Сейчас таким способом выдают только сертификаты, но весьма возможно, что станут выдавать и дипломы, поскольку современ-

ные технологии e-learning позволяют практически полностью моделировать процесс очного обучения. Coursera уже анонсирует скорый перевод многих курсов на русский, но российские студенты уже сейчас составляют весьма многочисленную англоязычную аудиторию Coursera. Многие курсы по качеству содержания даже превосходят то, что может предложить большинство национальных университетов, а отдельные курсы начинают выстраивать в длинные образовательные цепочки от получения базовых знаний до специализации, дополняя их системой найма и получая эффективный механизм отбора студентов со всего мира.

«Мы не контролируем развитие техносреды, в которой живем, развитие технологий намного опережает развитие нашей культуры взаимодействия с ними. К 2025 году мы прогнозируем исчезновение привычных нам форм образования. Старой школе и старому университету нет места в мире будущего. Человек сможет собирать свое персональное образование без традиционных институтов» [2], – считает, например, Павел Лукша, директор корпоративных образовательных программ Московской школы управления «Сколково», один из главных создателей форсайт-прогноза «Образование-2030», составленного Агентством стратегических инициатив. По его мнению, в будущем сфера образования должна предлагать нам набор всевозможных образовательных услуг, из которых человек будет собирать собственную образовательную карьерную траекторию, обучаясь на протяжении всей жизни в своем темпе по индивидуальной программе. Агентство стратегических инициатив (АСИ) в течение нескольких лет разрабатывало форсайт-прогноз «Образование-2030». В прожектах АСИ гораздо больше вызова и футуристической романтики, что выгодно отличает их от документов отечественного Министерства образования, где все больше говорится про «эффективность расходования бюджетных средств». Адепты виртуального образования убеждены, что уже в обозримом будущем человек будет собирать себя из предлагаемых ему рынком деталей образовательного конструктора. У каждого будет цифровой профиль, фиксирующий освоенные компетенции, на основе которого организации будут инвестировать деньги в продолжение образования особо успешных «конструктивистов».

Для этого разрабатываются персональные учебники с искусственным интеллектом, которые смогут подбирать образовательные материалы – фото, тексты, видео, задания, схемы – под потребности каждого конкретного ученика. Университет в идеале должен стать взаимообучающим сообществом, где все помогают друг другу развиваться, а преподаватели превратятся из рассказчиков в экспертов, наставников и проводников. Проблема в том, что такое идеальное образовательное сообщество может реализоваться, когда образовательный проект находится вне традиционных государственных институций, что является прерогативой гражданского общества. Крайне слабое в России, оно, тем не менее, уже порождает некоторые альтернативы государству, когда дело заходит о спасении больных детей, сборе гуманитарной помощи или контроле честности выборов. Замечу, что гражданские образовательные проекты пока еще редки, но даже те, что есть, показывают свою эффективность. Например, «тотальный диктант» можно рассматривать как альтернатив-

ную форму повышения грамотности впечатляющих масштабов. Понятно, что волонтеры и гражданские активисты не смогут полностью заменить педагогов, поэтому, скорее всего, речь пойдет о конкуренции и взаимодействии разных форм – общественной, государственной и коммерческой.

Альтернативой государственным университетам в перспективе могут стать даже «холдинги» студентов, объединяющие людей для получения образования по определенному набору специальностей. В этом случае руководители вуза окажутся наемными работниками или избранными представителями, а роль преподавателя кардинально изменится – от источника информации и контролера к источнику жизненного и профессионального опыта и навигатору по сетевым ресурсам. Только практики «ручных навыков» останутся не виртуальными, но даже они будут сокращаться с учетом развития виртуальных лабораторий, симуляторов и тренажеров.

Эти прогрессивно-утопические идеи, во многом основанные на индивидуалистическом оптимизме и некритичном восприятии технократической идеологии, разделяются далеко не всеми субъектами современного образования. Среди нас немало пессимистов и «суровых практиков», убежденных, что суть образования – это трансляция смыслов от поколения к поколению, причем не имеет значения, как именно эта трансляция осуществляется – через школу, учителя, книгу, интернет или любой другой способ. Тем более, не стоит преувеличивать роль информационных технологий: те, кто много знают, много могут найти и в интернете, а те, кто ничего не знает – ничего в нем найти не могут. Информатизация и виртуализация образования, конечно же, предполагает его индивидуализацию, но оставляет во многом нерешенной проблему контроля знаний. Ведь если промежуточная оценка знаний станет постоянной, то необходимость в финальных оценках и сертифицирующих их дипломах может стать излишней. К тому же, остается вопрос: как проверять полученные знания? Снова задействовать возможности искусственного интеллекта, например, используя различные системы анализа текста, которые будут вполне способны оценить даже творческие работы типа эссе или раздела «С» в ЕГЭ? Другой вариант контроля знаний и их оценки может быть основан на расширяющихся возможностях социальных сетей, где одни студенты проверяют других, образуя класс добровольных тьюторов и наставников. При желании каждый профессор или успешный специалист может создать свою систему сетевого контроля в своих виртуальных классах.

Однако современная система сертификации дистанционных курсов не предусматривает их профессиональной квалификации. И пока трудно точно спрогнозировать, когда появится единое образовательное пространство, предоставляющее возможность такой квалификации. Поэтому можно утверждать, что применение дистанционных технологий хорошо и полезно, но лишь как дополнение и обогащение систематического предметного образования. Использование различного рода мобильных устройств и компьютеров не для игр, а для получения более полной информации по дисциплине очень важно и необходимо: во многих вузах,

пока преподаватель читает лекцию, студенты тут же могут углубиться в материал, пользуясь распространением систем Wi-Fi в кампусах. Но использование студентами информационных технологий не наряду, а вместо лекционных и практических занятий не оправдано, ведь еще не разработаны качественные технологии и методики, которые позволили бы полностью заменить наставника. Такое обучение удобно при повышении квалификации, да и то полное отсутствие контакта с преподавателем у студентов, недостаточно мотивированных на получение образования, неизбежно приведет к серьезному падению его качества. Поэтому информационные дистанционные технологии должны выступать важным дополнением к профессиональному обучению, повышая его качество.

Дипломы о высшем образовании, полученном дистанционно, не легитимны, хотя существуют нормативные возможности применения дистанционных технологий, свободы заключения договоров и соглашений между вузами. Но отсутствует системность и согласованность между всеми участниками образовательного процесса. Пока имеющиеся в России системы дистанционного образования не являются самостоятельными, поскольку не имеют не только полноценных образовательных ресурсов, но и сервисных ресурсов в виде централизованных хранилищ данных по существующим стандартам. К тому же недостаточно развита правовая база по реализации и защите авторских прав дистанционных курсов приводит к тому, что отсутствуют аккредитованные и сертифицированные дистанционные курсы высокого качества.

Во многих российских регионах в период закрытия представительств и филиалов появилось дистанционное образование очень низкого качества. Сохраняется крайне низкий уровень платежеспособного спроса на высококвалифицированные молодые кадры и, соответственно, на инновационные разработки высококачественного дополнительного образования и форм повышения квалификации. Пока нет и достаточного количества оцифрованных российских учебных пособий, что может привести к их замещению на зарубежные источники и утрате многих особенностей и достижений национальной культуры. Тем не менее, уже в ближайшие годы онлайн-курсы способны стать вполне реальными конкурентами для вузов внутри стран, поскольку уже наступило время «образовательного империализма», на который, конечно, возможен ответ в виде «образовательного суверенитета» и попыток закрыться, сохраняя свою национальную специфику. Учитывая приведенные факторы, становится понятным, что перспективы профессионального образования должны быть рассмотрены в контексте «трансграничности» [3].

Может быть, за всем этим кроется действительно перспективное будущее профессионального образования. Но для профессионала жизненно важным является не столько комплиментарная оценка его знаний и умений его же сообществом, сколько реальный итог бескомпромиссных испытаний внешних по отношению к его образовательной среде субъектов – ориентированных прежде всего на практику специалистов в профессии. И хотя считается, что узкие специалисты – уже вымирающий вид, который должен сменить широкопрофильный и быстро ориентирующийся в глобальных изменениях самообразовывающийся профессионал,

пока наблюдается дефицит как «узких» специалистов, так и «широких» профессионалов. Поэтому современный бизнес вынужден сам инвестировать в обучение персонала, ведь ему нужны квалифицированные и ответственные специалисты, которым можно доверить многомиллионные проекты и дорогостоящее оборудование. Но российское государство не дает работодателям существенных стимулов заниматься образованием, предоставив лишь возможность отнести прямые расходы по подготовке и обучению кадров на себестоимость продукции. Между тем широкомасштабное исследование в ряде американских компаний показало, что увеличение расхода на обучение персонала на 10 % дает рост производительности труда на 8,5 %, тогда как аналогичный рост капиталовложений повышает производительность лишь на 3,8 % [4]. Но сможет ли в обозримом будущем профессиональное образование, организованное самими бизнес-структурами и корпорациями, стать достойной альтернативой не ориентированному на специализацию государственному образованию?

Необходимо понимать, что в основе корпоративного обучения лежат корпоративные же профессиональные стандарты, которые описывают необходимые действия и компетенции работников. В соответствии с этими стандартами каждому работнику в зависимости от его оценки предлагается пройти необходимое обучение. Форма обучения предусматривает чаще всего тренинги с привлечением внешних специалистов и практиков из самих предприятий, а в связи с экономическими требованиями сокращения командировочных издержек очень востребованным становится дистанционное обучение, описанное выше. Именно для этого развиваются комплексы информационно-компьютерных технологий. Система корпоративного образования не только позволяет постоянно повышать квалификацию работников компании через тренинги, дистанционное обучение и стажировки, но может и должна участвовать в определении стратегии развития корпорации за счет проведения научных исследований [5]. Развитие корпоративного образования связано в основном с решением задач повышения эффективности бизнеса, тем не менее, при этом образуется определенный социальный вклад корпораций в расширение рынка высокопрофессиональных специалистов, способствующий общему росту уровня культуры и профессионализма в российском обществе.

При этом не стоит забывать о такой проблеме, как несовпадение корпоративных и социальных ценностей, включая семейные, религиозные, общегражданские, политические и т. п. Дело в том, что корпоративное образование по большому счету не ориентировано на развитие личности: в компании выше ценится лояльность менеджменту и конформное поведение, чем персональная независимость и креативность мышления, способствующие существенным социальным изменениям. К тому же нерешенной остается проблема социальной ответственности компаний, вкладывающих немалые деньги исключительно в высокорентабельные специальности, которые и так финансируются из государственного бюджета, в то время как многие общественно значимые профессии отдаются на выживание в условиях рынка, инвестируясь лишь населением. Тем

не менее, учитывая указанные проблемы и многие другие слабые места корпоративного образования, приходится признать, что иной реальной альтернативы высшему профессиональному образованию в России в обозримом будущем не предвидится.

В настоящее время в большинстве стран Европы основной прирост участвующих в образовании связан с потребностями работы и лишь незначительная часть образовывается с целью саморазвития [3]. Поэтому утопичным было бы ожидание огромного потока желающих получить профессиональное образование для личных потребностей самореализации, основной спрос будет определяться рыночными механизмами занятости населения и запросами работодателей. Скорее всего, место государства в профессиональном образовании будет занимать бизнес, в меньшей степени некоммерческие структуры, усиленные различными средствами и инструментами новых технологий. Данные прогнозы требуют более фундаментального обоснования, поскольку многие происходящие в сфере высшего профессионального образования процессы неоднозначны [4] и поэтому трудно предсказуемы. Остается лишь еще раз подтвердить, что во многом решение указанных проблем неизбежно связано со спецификой государственной политики в сфере образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Наливайко Н. В.** О научной школе «Философия образования» и перспективах ее развития // Философия образования. – 2013. – № 4 (49). – С. 187–196.
2. **Непрерывное образование** в политическом и экономическом контекстах. – М. : ИС РАН, 2008. – 400 с.
3. **Черных С. И., Паршиков В. И.** Трансграничное образование: перспективы развития на российском образовательном пространстве // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – № 3 (10). – С. 3–10.
4. «**Образование-2030**»: Какие перемены прогнозируют исследователи. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://nios.ru/node/10399>.
5. **Ключарев Г. А., Пахомова Е. И.** Корпоративное образование: новая альтернатива государственным программам в сфере профессионального образования // Вопросы образования. – 2007. – № 2. – С. 117–139.

Принята редакцией: 11.09.2013